

УДК 355.013

Формирование социокультурного образа войны и насилия в основных трансформациях российского общества с XX века до наших дней

Корнилов П.А.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления, истории, социологии
Казанского национального исследовательского
технологического университета

В статье рассматриваются особенности формирования образов войны и насилия в российском обществе. Исследованы процессы интеграции военных дискурсов в единый социокультурный образ войны и насилия. В работе проводится анализ влияния военных образов на социальные трансформации и экзистенциальные страхи современного общества.

Ключевые слова: образ войны, дискурсы насилия, социокультурный образ, трансформация российского общества

Современный образ войны и насилия в российском обществе и социокультурной коммуникации формировался на протяжении более века под влиянием знаковых событий в отечественной истории. XX в. начинается с представления о маленькой победоносной войне, которая должна была малой кровью решить большие проблемы огромной империи. Однако русско-японская война, призванная реализовать модель маленькой и победоносной, привела к революции 1905 г. Военное насилие трансформировалось и переросло в революционное. Попытка решить внутренние проблемы через военный успех на внешнеполитической арене вернулась назад и усугубила внутривластный кризис. На тот момент катастрофы удалось избежать, и, казалось бы, произошедшее должно стать серьезным уроком, чтобы не допустить срывки и трансформации образа войны в стихию революции.

Однако Первая мировая война начинается для России с тех же позиций. Мощный пропагандистский накал сочетается с настроениями масс в духе: «когда мы германца не били». Всеобщее ожидание в верхах и в массовом сознании быстрой и победоносной войны. Отсутствие ожиданий длительного и затяжного военного конфликта сказалось на том, что к долгосрочному периоду активных боевых действий российская армия и государство в целом оказались не готовы. Итогом стала дестабилизация

всей государственной системы и российского общества. Внутри самого государства уже возникли силы, которые активно работали над перерастанием образа войны империалистической в революционную. Первоначально данный процесс образной трансформации проистекал из реальности идеологической в символическую, а позднее материализовался в структурах повседневности социальной действительности.

Первая мировая война принесла с собой не просто образы насилия, а показала картины масштабного ультра-насилия. Одним из первых, кто предпринял подобного рода исследования, был американский социолог Гарольд Лассуэлл, который показал возможности применения контент-анализа для изучения прессы и пропагандистских текстов в период Первой и Второй мировых войн [1]. В наших работах были представлены новые подходы к исследованиям образов подобных материалов, в т.ч. на базе контент-аналитической методики [2]. Дальнейшие исследования привели к серьезному изучению образно-дискурсивной реальности войны в связи с общественным сознанием и коллективными бессознательными процессами [3]. Способствовали трансформации образной структуры военного конфликта и изменения в образе врага, что также требует самого пристального исследовательского внимания. Исследованию образов врага, как вну-

тренного, так и внешнего, а также его влиянию на отечественную историю и общество посвящено немало работ [4-5], с нашей стороны будут дополнения и новые взгляды на эту проблему. Неудачи в большой войне породили представление о наличии внутреннего врага, в роли которого выступали невидимые шпионы, императрица, Распутин, большевики и др. Революция, поражение в Первой мировой, распад Российской империи, голод, террор и пр., породил образ войны-катастрофы как экзистенциальной угрозы, способной принести конец существованию самого российского общества.

В новой Советской России происходят переходы от образа известного внешнего врага к образу врага внутреннего в ходе революции, Гражданской войны и террора. Террор прошел три этапа – 1) революционный террор, 2) красный и белый террор гражданской войны и 3) сталинский террор. Собственно Сталин и продолжил идею гражданского противостояния через трансформацию образа скрытого внутреннего врага в образ врага народа. Шпиономания была частью этого образа и продолжения образа интервенции и войны с интервентами, когда вчерашние союзники стали восприниматься как враги и возникает синдром осажденной крепости. Образ внешнего врага, который не оставит общество и государство в покое, а также тесно связанный с ним внутренний враг, готовый предать страну агрессору.

Образ большой войны, несущей экзистенциальную угрозу обществу и государству, сопровождает и служит катализатором всех изменений в российском и советском обществе и государстве: борьба с неграмотностью, НЭП, коллективизация, индустриализация, массовые репрессии и многое другое. О взаимосвязи образов войны с ментальными механизмами социального развития более подробно можно узнать в других наших более ранних работах [6]. Меры самой ускоренной модернизации, несмотря ни на какие жертвы, были призваны дать адекватный ответ на те вызовы, которые стояли на тот момент перед обществом, подготовить страну к грядущим испытаниям. Право на существование СССР потенциальными противниками не признавалось, делались попытки подорвать страну изнутри, а при возможности осуществить и внешнюю агрессию. Серьезной подпиткой для подобных опасений были события и образ Гражданской войны в Испании. Он убедительно показал опасность «пятой колонны» в самом испанском обществе, раскол антифранкистской коалиции, прямую военную поддержку фашистских сил со стороны Гитлера и Муссолини. Итогом стало тяжелое поражение антифашистских сил, в т.ч. и Советского Союза, который косвенно оказывал серьезную помощь республиканцам в Испании.

Испанские события шокировали весь мир. Во многом это связано с образами той войны, которые получили новые выражения. Раньше о звер-

ствах в военном конфликте писали по большей части газетчики, и в основном это было вербальное описание, которое будоражило кровь обывателя на уровне страшных рассказов, сказок, городских легенд, в которые часто не очень-то и верилось. В ходе Гражданской войны в Испании появляется военная фотография и спецкоры освещают все важные и незначительные события конфликта, они оказываются в самой гуще происходящего. Образы масштабного ультранасилия можно увидеть в документальных фотографиях с мест событий, и это воспринимается уже совершенно иначе, тем более что показать было много чего ужасающего. Массовые разрушения и гибель не только вооруженных, но и мирных людей. Именно в Испании того времени немецкие летчики впервые отрабатывают свою тактику разрушения городов сектор за сектором, когда все буквально уничтожается до основания. Символической квинтэссенцией жестокости происходящего стало уничтожение города Герники, и ярким образом, который в художественной форме запечатлел данное военное преступление, на весь мир прогремела картина Пабло Пикассо с таким же названием.

Образы войны и насилия в период с 1917 г. и по наше время оказывают и продолжают оказывать большое влияние на социальные изменения в советском и российском обществах. Они стимулировали и интенсифицировали развитие как в целом, так и в самых разных областях и направлениях. Данные образы мобилизовывали все духовные, физические и интеллектуальные силы народа, готовили его к подвигу. Первые подходы к исследованию данной проблематики, что называется «по горячим следам», сделал еще П.А. Сорокин как в своих специализированных на этой теме работах [7; 8], так и в своих фундаментальных трудах, посвященных социокультурным изменениям, динамике и мобильности в обществе [9; 10]. Образ ожидания беспощадной войны ставил великий предел самоуспокоению с надеждой на долгое, плавное, постепенное и планомерное развитие общества и государства как по пути технологическому, так и по пути демократизации, смягчению и совершенствованию социальных институтов.

Сталинский террор преподносился и воспринимался как образ войны с внутренним врагом. Образные границы модели и стигмата «врага народа» были размыты, под ним понимался не просто скрытый предатель, шпион или диверсант, который стрелял, взрывал, отравлял и пр., но и вредитель, который занимался саботажем и вообще мог наносить самый различный ущерб. В этом образе заключалось не только формально-юридическое осуждение, но и нравственно-моральное общественное порицание. За халатность на работе одним выговором можно было не отделаться, особенно на оборонных и ключевых участках жизнедеятельности общества и государства. Безответственность приравнивалась

к вредительству и вражеской деятельности и наоборот – ответственность за все, что происходит вокруг тебя, за судьбу страны прививалась всем. Образ сталинских репрессий принято рисовать исключительно в негативных тонах, но для мобилизационной экономики и страны, живущей в режиме войны, он создавал необходимые механизмы дисциплины и развития.

Революции, войны и террор обеспечивали, что называется, «постоянное вливание свежей крови», причем во всех смыслах. Данные образы легко считывались, и к изменениям надо было быть готовыми. На войне командира могут убить, и будь способен занять его место. Хрестоматийным стал пример и образ А.П. Гайдара, который в 17 лет командовал полком. Подобные образы вдохновляли многих, и социальные лифты работали с ускоренной силой. Большие стройки создавали новые рабочие места, статусы и возможности, а репрессии освобождали позиции и проводили к ротации кадров. Начальника производства или директора завода, который не справился с управлением, убирали, и любой, кто проявит себя, мог занять его место. Обновление кадров в этих условиях происходило стремительно.

Образ Великой Отечественной войны создал внутреннее осознание себя как народа-победителя, но и породил страх нового военного конфликта. С одной стороны, страна долгое время жила в режиме холодной войны, но, с другой стороны, внутри советского общества делалось все, чтобы в жизни людей не было никакого ощущения военного времени. Возникла задача не допустить новой подобной войны и ее ужасающих последствий. Геронтократическое руководство, помнящее ужасы войны, вело себя как сердобольные родители, которые не дают детям самостоятельно трудиться и развиваться, тщательно ограждают от всех трудностей и тягот. Страх перед гражданским расколом внутри страны и возможными репрессиями породил идеологический пресс, когда всякое инакомыслие и несогласие трактовалось как посягательство на общественные устои и государственные основы. Боязнь потери контроля над ситуацией привела к стагнации советского общества и формированию в нем удушающей атмосферы конформизма. Отсутствие конкуренции, при которой бы руководящие посты занимали новые сильные лидеры, идеологи, хозяйственники, неизбежно привело к упадку и крушению СССР.

Многие из отмеченных тенденций находят свое отражение и в современном российском обществе. К уже обозначенным образным конструкциям добавились представления о поражении в холодной войне, крушении СССР, этнических конфликтах, «лихих 90-х» с их ультранасилием, разграблением государства, нищетой и т.п. Новой серьезной вехой в формировании социокультурного образа войны и насилия в современной России стало проведение

специальной военной операции на Украине, которая началась 24 февраля 2022 г. и продолжается по сей день. Достаточно взглянуть на новостные ленты интернет-ресурсов, сообщений СМИ, чтобы обнаружить в центральных образах тематику насилия и военных преступлений.

В новостной ленте Яндекса на 22 ноября 2022 г. с пометкой «Самое цитируемое» на время 10 часов 20 минут идет ссылка на сообщение от «Известий»: «Сообщается о ликвидации одного из расстрелявших российских военнопленных в Макеевке» [11]. Если пройти по самой ссылке на публикацию интернет-ресурса «Известия», то в нем содержится яркий образ военного преступления, которое так взбудоражило российское и мировое сообщества и повлекло за собой разветвленную волну медиа-сообщений: «Отмечается, что инцидент произошел в Макеевке Донецкой Народной Республики (ДНР). В Минобороны РФ позже заявили, что украинские боевики совершили намеренное убийство выстрелами в голову попавших в плен российских военнослужащих. В военном ведомстве подчеркнули, что это не единичное военное преступление, а “распространенная практика” ВСУ. Позже, 21 ноября, бывший боец Вооруженных сил Украины (ВСУ) заявил о сотрудничестве бригады, расстрелявшей пленных, с НАТО» [12]. В дискурсивном образе современного военного конфликта возрождаются дискурсы прежних войн: борьба с нацистами и бандеровцами (Великая Отечественная война), противостояние Западу и НАТО (Холодная война) и т.п. Всё это еще требует дальнейшего серьезного изучения.

Способность и эффективность мирного или военного решения проблем во многом зависит от образного восприятия военных конфликтов в обществе. Развитие страны тормозят страхи перед образами войны-катастрофы, развалом страны, массовыми жертвами и гражданским противостоянием. Все это мешает внутреннему диалогу между властью и населением, здоровой конкуренции внутри страны между различными социальными группами и политическими силами, грамотному позиционированию России на международной арене и выстраиванию достойных отношений с другими странами. Поэтому осмысление данных страхов и подобных блокирующих образов, осознание собственных возможностей и ошибок в настоящее время для всего российского общества – наипервейшая задача.

Литература:

1. Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. – New York: London: Kegan Paul, 1927. – 233 p.
2. Корнилов П.А. Война и насилие: методология социоментального исследования: монография. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007. – 196 с.
3. Корнилов П.А. Образ войны и насилия в дискурсах социокультурной коммуникации: социология и менталология исследования. (Монография). – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 294 с.
4. Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005. – 334 с.
5. Савельев А.Н. Образ врага. Расология и политическая антропология. – М.: Книжный мир, 2010 – 672 с.
6. Корнилов П.А. Образ войны как ментальный гештальт и катализатор инновационного развития общества // Регионы России: инновационные процессы в системе социального управления: сб. науч. статей и сообщений. – Казань: КГТУ, 2011. – С. 84-90.
7. Сорокин о влиянии войны на свойства населения и общественную организацию // Экономист. – 1922. – № 2. – С. 77-107.
8. Sorokin P.A. Sociology of Revolution. – Philadelphia; L., 1925. – 428 p. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Академический проект, 2017. – 964 с.
9. Сорокин П.А. Социальная мобильность. – М.: Academia: LVS, 2005. – 608 с.
10. «Военное обозрение». Уничтожен один из участников расстрела российских пленных. Новости. – URL: https://dzen.ru/news/story/Voennoe_obozrenie_Unichtozhen_odin_iz_uchastnikov_rasstrela_rossijskikh_plennykh-48f9e49c110c5704ed98a4c079e08513?lang=ru&from=main_portal&wan=1&stid=oA7Qtu2FYsvzyG5Ov5E5&t=1669135534&persistent_id=441124444&story=22504e1a-9011-5165-9115-c825e333db63&issue_tld=ru&utm_referrer=dzen.ru (дата обращения: 22.11.2022).
11. Сообщается о ликвидации одного из расстрелявших российских военнопленных в Макеевке // Известия. – URL: https://iz.ru/1429281/2022-11-22/soobshchaetsia-o-likvidacii-odnogo-iz-rasstrelivshikh-rossiiskikh-voennoplennykh-v-makeevke?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 22.11.2022).

Formation of the Socio-Cultural Image of War and Violence in the Main Transformations of Russian Society from the Twentieth Century to the Present Day

Kornilov P.A.

The Kazan National Research Technological University

The article discusses the features of the formation of images of war and violence in Russian society. The processes of integration of military discourses into a single socio-cultural image of war and violence are studied. The paper analyzes the influence of military images on social transformations and existential fears of modern society.

Key words: image of war, discourses of violence, sociocultural image, transformation of Russian society

